

Потомственная почетная гражданка

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Вчера отметила юбилей Ариадна Леонидовна Соколова. О ней как о замечательном художнике написано много. А вот воспоминаниями о семье, о детстве она поделилась с нашим корреспондентом впервые.

— Я помню себя очень рано. Помню, как сидела в коляске. Помню комнату, в ней лежала шкура от бабушкиной ротонды, и я по этой шкуре ползала.

Раннее детство, а это вторая половина 1920-х годов, прошло в деревянном доме на Республиканской улице. Из окна она смотрела на дорогу, ворота — эта картина до сих пор стоит перед глазами и, конечно, увековечена на одном из рисунков.

Дед по отцовской линии учительствовал в селе Макарове под Семибратовом. Взрослой она ездила туда поискать тех, кто его помнит. Память у бывших учеников оказалась не просто живой, но очень конкретной. «Строгий был. Если что не так, как перстнем стукнет по лбу!»

Каким-то чудом сохранился паспорт деда со словами «потомственный, почетный гражданин». Совсем маленькой Ридочка (так ее звали дома) часто слышала от отца: «Запомни: ты у нас потомственная почетная гражданка».

Последние свои годы дед с бабушкой провели в Петровске, в доме с великолепным садом и множеством уголков, будивших воображение. Самой притягательной казалась лестница на чердак. Бабушка сохранила свои владения в идеальном порядке и при случае повторяла, что каждая вещь должна знать свое место (правило, которое Ридочке никак не прививалось). Соответственно, в идеальном порядке поддерживался и чердак. Девочка поднималась по лестнице и замирала в таинственном полумраке: перед ней аккуратные белые ящики: один набит журналами «Родина» и «Нива» с великолепными иллюстрациями и со страницами, поврежденными каким-то пожаром; два других с письмами от деда, прадеда, тетей, дядей — эпистолярным наследием, ценность которого она осознала много лет спустя, когда оно, практически все, оказалось уже утрачено.

Еще одной достопримечательностью дома в Петровске считалось крыльцо с крошечным тамбуром, где помещался небольшой столик и где по вечерам пили чай. Вдоль стены — скамейка, застеленная чем-то мягким, любимое место Риды. Лежа на ней, она разглядывала противоположную стену, сплошь оклеенную страницами из французского журнала мод. Аккуратная бабушка, намазывая клеем плотные страницы, и представлять себе не могла, что закладывает основы художественных пристрастий внучки.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

— В этом журнале все было в стиле модерн. Я тогда будто зарядилась этими линиями навсегда.

Раннее детство — как один большой праздник с непреходящим желанием веселиться и проказничать.

Вечером она забирается в сад. Ветви гнутся под тяжестью яблок. Ридка стучит по стволу палкой, как будто в сад залезли чужие мальчишки. И о, радость! Папа, кажется, поверил и выходит в сад.

Одна из любимых игр — маскарад. Однажды надела длинную юбку, повязала и нагнула на глаза платок и с

ей молодости — и, добрая душа, разрешала их мерить, одеваться, переодеваться — какое наслаждение!

Все это накладывалось на мамин рассказ об актрисе, которая снимала когда-то комнату у ее родителей. У той был маскарадный костюм Дыни, весь выклеенный семечками — великолепие, которое долго не давало покоя впечатлительной Ридочке.

Мамина родня — особый рассказ. До революции у ее отца был небольшой обувной магазин с мастерской на углу нынешних улиц Свободы и Республиканской — там, где подземный переход. Случилось так, что его обувь получила какую-то награду в Париже. В результате он стал довольно известным человеком в Ярославле, но заведомый в семье порядков не изменил. Жена его, другая Ридина бабушка, как готовила обед всем мастерам, так и продолжала готовить.

улицы заглянула в окно: «Подайте на погорельцев!» Бабушка выглянула и всплеснула руками: «Да это же Ридушка!»

Бабушка хранила дедушкины целлулоидные воротнички, твердые манжеты, шляпы сво-

Одессу. Однажды он привез Риде оттуда трехколесный велосипед. Она накручивала на нем по квартире круг за кругом, радуясь жизни, которая открывалась ей с новой, неизвестной до сих пор стороны — захватывающего дух движения.

Зимой каждый вечер мама, посадив ее на санки, отправлялась навещать бабушку. Та жи-

перерыва, с продолжениями — за обеденным столом, во время игр, на прогулках. Говорливая мама, ведя ее по улице за руку, рассказывала обычно о чем-то своем и очень удивилась, когда однажды Ридка прервала ее словами: «Мама, не мешай мне думать!»

Папа поддерживал литературные опыты, записывая кое-что по просьбе Ридочки, пока,

которой она тогда нестерпимо мечтала: за партами сидят дети, а их портфели акуртно развешаны на гвоздях, вбитых в стену.

Впрочем, не по возрасту рано Ридочка начала понимать, что рисунок — не просто копия того, что ты видишь или воображаешь. Каким-то таинственным образом он иногда может вторгаться в действительность, превращаясь в самостоятельную силу. И тут держи ухо востро.

Ей было лет двенадцать. Вечером, как обычно, бабушка читала вслух, а Ридка рисовала. Ту свою картинку она помнит в деталях до сих пор: парк, скамейка, по дорожке идет какой-то тип с бородой и в руках у него кинжал.

На другой день бабушки не стало.

Как — Ридка объяснить себе потом так и не смогла, но ей вдруг открылось, что есть вещи, которые она никогда не должна делать ни на бумаге, ни на полотне. Через несколько лет, уже взрослой девушкой, она совершила поступок, для родных совершенно необъяснимый. Дома у них висел ее автопортрет, по единодушному мнению, очень удачный. На плечах какая-то шкура, на поясе кинжал — в общем, эффектный. Все к нему пригляделись, да и сама Ариадна тоже. И вдруг однажды взгляда будто споткнулся: и здесь кинжал! Она быстро сняла портрет и бросила его в печку.

В шестом—седьмом классах историю в 33-й школе преподавала Мария Ивановна Иванович. Она завела правило для своих учеников: не просто выучивать урок, но и делать иллюстрацию к каждой теме. Лучшие вывешивались в школьном коридоре. Ридка старалась от души, и вскоре ее рисунки, каждый размером в ватманский лист, вытеснили все остальные.

— Это были мои первые выставки. Позже я узнала, что Мария Ивановна носила их во время войны в госпиталь показывать раненым.

Ариадны в школе в это время уже не было. В пятнадцать лет она поступила в Ярославское художественное училище, впереди был Ленинградский институт имени Репина и вся ее большая жизнь.

Татьяна ЕГОРОВА.

ла с сыновьями, юношами семнадцати — двадцати лет. В прихожей стояли какие-то замысловатые самокаты, на которых те катались с Мякушки. Съехать вниз с головокругительной высоты волжского берега около беседки Риде по молодости лет никто бы не позволил — велосипед в какой-то мере компенсировал эту потерю, больно ощущаемую ее маленьким сердечком.

Рисование стало любимым занятием с того момента, как она научилась держать карандаш. И удивительное дело, одновременно в ней пробудилось еще одно, не менее жадное стремление — сочинять разные истории. Она их сочиняла молча, про себя, день за днем, без

кажется, лет с девяти, она не начала это делать сама. Мама больше внимания обращала на дочкины рисунки. Может быть, потому, что хорошо рисовала сама, она сумела заметить самые первые, самые ранние Ридины успехи. Ею были отложены на память и сохранились до сих пор (!) и совсем вроде бы беспомощные листочки с «каля-маля», и рисунки, на которых уже можно узнать предметы и персонажи окружающего мира, и первые проявления Ридиной фантазии, полетам которой искренне удивляешься и сейчас. Представьте себе, например, такое произведение пяти-шестилетней художницы, как пароходопаровоз. Или рисунок, изображающий школу, о